

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya
 Has been issued since 2014.
 ISSN: 2409-3378
 E-ISSN: 2413-7294
 2017, 4(2): 88-104

DOI: 10.13187/zhmnp.2017.2.88
www.ejournal18.com

The Statement of Religious and Educational Work in Secondary and Primary Schools of Siberia at the end of the 19th century – beginning of the 20th century

Oksana V. Ishchenko ^{a, *}

^a Surgut state University, Russian Federation

Abstract

The purpose of the article is to study to identify the core content of the religious-educational work in secondary General education, secondary and elementary professional education institutions of Siberia and its influence on the mood of pupils in the region in the late XIX – early XX centuries.

The main sources were: the laws of the Russian Empire, the religious composition of students, minutes of meetings of the pedagogical councils of the petition of the students stored in the archive funds of educational institutions of Siberia, the documents of law enforcement, letters and orders of the Trustee of the West Siberian school district.

The authors make a conclusion that at the turn of XIX – XX centuries in the schools of Siberia religious and moral direction was the main direction of educational work with pupils. This forcible imposition of Christianity in school, lack of consideration for the multi-religious composition of pupils and forcing them to the performance of religious duties has caused protest on the part of many pupils of educational institutions, which demanded the abolition of compulsory attendance by pupils of the Church, of non-requirement of observance of posts and study of God's Law.

Analysis of changes in the production of religious and educational work in educational establishments of Siberia allowed to the conclusion that the forcible imposition of Orthodoxy in the environment of pupils led to the opposite result. The effectiveness of religious-educational work in the school was low.

Keywords: Siberia, secondary and primary schools, pupils, religious composition, religious and educational work, Orthodoxy, moods.

1. Введение

Рубеж XIX – XX веков стал периодом значительных изменений в системе постановки среднего и низшего образования в России. Однако неизменной оставалась стоявшая перед школой задача не только образования, но и воспитания молодого поколения, решение которой, по мысли властей, по-прежнему определялось знаменитой формулой «православие – самодержавие – народность». Отсюда очевидна направленность воспитательной деятельности

* Corresponding author

E-mail addresses: iovfu@yandex.ru (O.V. Ishchenko)

школы на формирование личности патриотичной, богобоязненной, высоконравственной, преданной «царю и Отечеству». Об этом свидетельствовал и рескрипт императора, адресованный в 1902 г. министру народного просвещения. В нем царь требовал, чтобы в школе «с образованием юношества соединилось воспитание его в духе веры, преданности Престолу и Отечеству и уважения к семье» (ГА РФ, ф. ДП, ОО, 1898, д. 3, ч. 227: 1). Примечательно, что в данном рескрипте на первое место в реализации воспитательной задачи был вынесен «дух веры». И действительно, особое внимание при организации воспитательной работы в учебных заведениях уделялось религиозной составляющей. Искренняя вера, по замыслу властей, формировала нравственные качества личности, определяла послушание учащихся перед властью светской и духовной, перед учебным начальством.

Тем не менее теория официальной народности ставила на первое место не абстрактную религиозность, а конкретную религию – православие. В основных законах Российской империи провозглашалось, что «все принадлежащие к господствующей церкви подданные Российского государства... пользуются ... свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной», при этом «свобода веры присвоается не токмо христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам» (Свод законов, 1906: 44-45). И все же «первенствующей и господствующей» религией российское законодательство считало православие. Отсюда вытекало и предоставление православной церкви права решения в школе воспитательных задач, равно как ограничение представительства иных конфессий в этой области.

В статье предпринята попытка рассмотреть основное содержание религиозно-воспитательной работы в учебных заведениях Сибири и выявить ее влияние на настроения учащихся края в конце XIX – начале XX вв. За основу исследования взяты средние общеобразовательные, средние и низшие профессиональные учебные заведения сибирского региона.

2. Материалы и методы

Исследование постановки религиозно-воспитательной работы в средних и низших учебных заведениях Сибири на рубеже XIX–XX вв. потребовало обращения как к законодательству Российской империи, определявшему основные направления правительственной политики в этом вопросе, так и к материалам отдельных учебных заведений обширного сибирского региона. Анализ конфессионального состава контингента учащихся был проведен по статистическим сведениям, сохранившимся в фондах сибирских школ и фонде Министерства народного просвещения, а также в справочной литературе. Правила приема учащихся исследовались по памятным книжкам, издававшимся на отдельных территориях Сибири. Правила поведения воспитанников сибирских средних и низших профессиональных учебных заведений сохранились в фондах самих учебных заведений и в документации административного и учебного начальства. Сведения о соблюдении или нарушении правил предписанного поведения учащимися анализировались по материалам заседаний педагогических советов различных учебных заведений и по донесениям, поступавшим в правоохранительные органы, в частности, в жандармские управления. Требования учащихся относительно изменения правил исполнения ими религиозных обязанностей изучались по документам, исходившим от самих учащихся – петициям или листовкам. Отношение учебного начальства к состоянию постановки религиозно-воспитательной работы в учебных заведениях края содержится в письмах и распоряжениях попечителя Западно-Сибирского учебного округа.

Цель и задачи работы определили необходимость применения историко-генетического и проблемно-хронологического методов исследования. Историко-генетический метод, ориентированный на раскрытие причинно-следственных связей, применялся при анализе содержания религиозно-воспитательной работы в школе в контексте изучения правительственной политики в этом вопросе. Применение проблемно-хронологического метода позволило выявить изменения в постановке религиозно-воспитательной работы в учебных заведениях Сибири в последние десятилетия XIX в., в период первой революции в России, в межреволюционный период и в годы первой мировой войны. Использование социального подхода обусловило определение конфессионального состава воспитанников учебных заведений и выявление настроений, господствовавших в среде учащихся.

3. Обсуждение

Вопросы проведения религиозно-воспитательной работы в школе России в дореволюционный период рассматривались, как правило, с двух противоположных позиций. Сторонники теории «официальной народности» настаивали на неизменности православных основ в деле воспитания подрастающего поколения, представители же оппозиционного лагеря критиковали правительство за искусственное насаждение православной идеологии в многоконфессиональной среде учащихся. В советский период времени, когда церковь оказалась отделена от государства, а школа от церкви, рассмотрение вопросов организации религиозно-воспитательной работы в учебных заведениях проводилось исключительно с позиций категорического ее неприятия. Впрочем, в ряде работ (Константинов, 1956; Шамахов, 1966) содержится ценный документальный материал, касающийся правил поведения воспитанников учебных заведений, правил приема в среднюю школу и пр. На сегодняшний день внимание исследователей больше привлекает региональный аспект заявленной темы, в частности, вопросы национально-конфессионального состава учащихся, реализации на местах правительственной политики в области постановки религиозно-воспитательной работы и проблемы ее эффективности.

4. Результаты

Постановка религиозного воспитания, целью которого является внедрение в сознание религиозной идеологии и богопослушного поведения (Вишнякова, 1999: 427), в средних и низших профессиональных учебных заведениях Российской империи была одним из столпов, на котором строилась вся воспитательная работа с учащимися.

Фильтрация учащихся по религиозному признаку начиналась уже с момента их поступления в учебные заведения, преимущество при приеме в которые гласно или негласно отдавалось абитуриентам, исповедующим православие. В первую очередь ограничения касались гимназий, занимавших верхнюю строчку в иерархии средних учебных заведений дореволюционной России. Особой регламентации в них подвергалось число лиц, исповедующих иудаизм. В 1887 г. при министре народного просвещения И.Д. Делянове прием евреев в гимназии и прогимназии был ограничен в черте оседлости 10-процентной нормой, вне черты оседлости – пятью процентами (Константинов, 1956: 25).

В результате в Омской 1-й мужской гимназии в период с 1910 по 1916 гг., при абсолютном преобладании православных, количество учащихся иудейского вероисповедания колебалось от 22 до 29 человек в год, католиков – 14-28, магометан – 2-5 (см. таблицу 1).

Таблица 1. Распределение учащихся Омской мужской гимназии по вероисповеданиям (1910-1916 гг.)

	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916
православные	348	377	374	409	376	311	345
католики	24	20	20	21	14	16	28
армяне	-	-	-	1	-	-	-
иные христиане	10	10	10	14	13	12	19
иудеи	22	29	29	27	28	24	26
магометане	2	2	2	4	3	4	5
Всего учащихся	406	438	435	476	434	367	423

Источники: ГИАОО, ф. 32, оп. 1, д. 42: 68-69; ГИАОО, ф. 32, оп. 1, д. 46: 66-67; ГИАОО, ф. 32, оп. 1, д. 60: 59-60; ГИАОО, ф. 32, оп. 1, д. 75: 51-52; ГИАОО, ф. 32, оп. 1, д. 87: 50-51

Примерно таким же было и соотношение представителей разных конфессий в Читинской мужской гимназии, где, согласно отчету за 1897 г., из общего числа обучающихся 215 человек, православных было 191, католиков – 4, протестантов – 2, иудеев – 12, буддистов – 6 (Памятная книжка, 1897: 26-28). Основная разница, пожалуй, заключалась лишь в том, что в Омске, как в центре Степного края, среди учащихся были представлены мусульмане, а в Чите, расположенной в Восточной Сибири, – буддисты.

Однако в других городах Восточной Сибири состав учащихся мужских гимназий и прогимназий был еще более однородным (см. [таблицу 2](#)).

Таблица 2. Распределение учащихся мужских гимназий и прогимназий Восточно-Сибирского учебного округа по вероисповеданиям (1903 г.)

	Всего учащихся	православные	римо-католики	лютеране	иудеи	прочие
Иркутская мужская гимназия	455	393	24	8	29	1
Красноярская мужская гимназия	340	296	18	6	20	-
Енисейская прогимназия	110	101	2	1	6	-
В процентах	100	87,3	4,9	1,6	6,1	0,1

Источники: РГИА, ф. 733, оп. 204, д. 137: 2

Незначительно отличался от него вероисповедный состав учениц восточносибирских женских гимназий и прогимназий (см. [таблицу 3](#)). При общем преобладании здесь православных, несколько большую долю в общем числе учащихся занимали девочки из иудейских семей.

Таблица 3. Распределение учащихся женских гимназий и прогимназий Восточно-Сибирского учебного округа по вероисповеданиям (1904 г.)

	Всего учащихся	православные	римо-католики	лютеране	иудеи	прочие
гимназии						
1-я Иркутская	623	528	24	9	58	4
2-я Иркутская	295	245	11	2	37	-
Красноярская	533	479	17	1	36	-
Енисейская	170	159	1	-	10	-
Якутская	137	120	3	1	10	3
Всего	1758	1531	56	13	151	7
прогимназии						
Минусинская	183	178	3	2	-	-
Ачинская	163	140	4	-	19	-
Нижеудинская	135	123	5	-	7	-
Киренская	95	76	-	-	19	-
Всего	576	517	12	2	45	-
В процентах	100	87,8	2,9	0,6	8,4	0,3

Источники: РГИА, ф. 733, оп. 204, д. 243: 2

В Западной Сибири, согласно данным, представленным в таблице 4, абсолютное большинство учащихся составляли православные, но обращает на себя внимание присутствие в мужских гимназиях и реальных училищах мусульман. И хотя их удельный вес был довольно незначительным (0,9 – 1,5 %), однако сам факт наличия в учебных заведениях, окончание которых давало право на поступление в высшую школу, выходцев из коренного населения степи свидетельствует о постепенном изменении традиционного сознания казахского населения региона.

Таблица 4. Распределение учащихся средних общеобразовательных учебных заведений Западно-Сибирского учебного округа по вероисповеданиям (1906 г.)

	Мужские гимназии		Женские гимназии и прогимназии		Реальные училища	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
православные	1319	86,7	5061	89,33	792	88
Иудеи	92	6	376	6,63	39	4,3
Римо-католики	82	5,4	172	3	38	4,2
магометане	13	0,9	1	0,02	14	1,5
Иные христиане	13	0,9	53	0,92	18	2
армяне либо нехристиане	1	0,1	6	0,1	-	-
Всего	1520	100	5669	100	901	100

Источники: РГИА, ф. 733, оп. 204, д. 485: 2; РГИА, ф. 733, оп. 204, д. 486: 2; РГИА, ф. 733, оп. 204, д. 487: 2

В средних и низших специальных и профессиональных учебных заведениях Сибири действовали иные правила приема. При этом в некоторые учебные заведения, такие как учительские семинарии, могли не допускаться представители ряда конфессий. Так, согласно правилам для воспитанников Красноярской учительской семинарии, право поступления сюда имели молодые люди православного вероисповедания, сдавшие экзамен по ряду предметов, но, в первую очередь, по Закону Божию. Кроме этого, абитуриенты должны были предоставить при поступлении свидетельство о доброй нравственности, выданное приходским священником, сельским обществом или полицией (ГАКК, ф. 349, оп. 1, д. 9: 51). Поэтому, например, в составе учащихся Иркутской и Енисейской учительских семинарий, по сведениям за 1903 г., были только православные (РГИА, ф. 733, оп. 204, д. 241: 1-2). Однако в Акмолинской области, в которой, согласно данным за 1908 г., проживало 48,2 % русских и 51,2 % татар (казахов. – О.И.) (РГИА, ф. 733, оп. 227, д. 109: 51), необходимость подготовки образованных кадров для начальных школ в местностях, населенных преимущественно мусульманами, обусловила возможность поступления в Омскую учительскую семинарию лиц «православного и магометанского вероисповедания», причем 10 из 50 имевшихся здесь казенных стипендий предназначались исключительно для казахов (Весь Омск, 1912: 59).

Прием нехристиан на особых условиях происходил и в Омскую ветеринарно-фельдшерскую школу Сибирского казачьего войска, которая предназначалась для подготовки в строевые части войска ветеринарных фельдшеров. Здесь за казенный и войсковой счет обучались преимущественно сельские обыватели Акмолинской и Семипалатинской областей, лица войскового сословия Сибирского, Семиреченского и Амурского казачьих войск, инородцы Астраханской губернии и Уральской области (Весь Омск, 1912: 60).

Во многих учебных заведениях Сибири вероисповедные ограничения при приеме формально отсутствовали. Например, согласно правилам приема в Омское среднего землемерное училище к поступлению допускались представители всех конфессий, но в силу подведомственности заведения Министерству юстиции прием иудеев сюда был ограничен (Весь Омск, 1912: 48-49).

Таблица 5. Распределение учащихся Омского землемерного училища по вероисповеданиям (1913-1916 гг.)

	1913–1914 уч. год		1914-1915 уч. год		1915-1916 уч. год	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
православные	88	89,8	130	88,4	142	81,1
католики	6	6,1	10	6,8	13	8
лютеране	3	3,1	5	3,4	5	3
меннониты	1	1	2	1,4	2	1,2
старообрядцы	-	-	-	-	1	0,6
Всего учащихся	98	100	147	100	163	100

Источники: ГИАОО, ф. 64, оп. 1, д. 43: 343; ГИАОО, ф. 64, оп. 1, д. 53: 292-293; ГИАОО, ф. 64, оп. 1, д. 63: 223-224

В результате, как свидетельствуют данные [таблицы 5](#), число православных учащихся в Омском землемерном училище было абсолютно преобладающим, а в целом в составе учащихся были только христиане.

Близким по составу был вероисповедный контингент Омского среднего сельскохозяйственного училища, в котором, например, в 1913 г. при общей численности учеников 91 человек, православных было 78, католиков – 4, мусульман – 7, лютеран и сектантов по одному ([ГИАОО, ф. 65, оп. 1, д. 33: 5, 10](#)).

В Омском низшем механико-техническом училище, созданном для подготовки квалифицированных специалистов в области промышленного производства, сословные и вероисповедные ограничения при приеме отсутствовали, но и здесь доля православных приближалась к 100 % (см. [таблицу 6](#)).

Таблица 6. Распределение учащихся Омского императора Александра III низшего механико-технического училища по вероисповеданиям (1895-1916 гг.)

	1895	1899	1900	1901	1902	1904	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916
Православные	63	88	97	97	106	104	99	96	92	91	96	98	100	82
католики	1	3	3	1	-	2	3	2	2	2	2	3	2	2
лютеране	1	1	2	1	1	1	-	2	1	1	-	1	-	-
Магометане	-	-	1	2	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Иудеи	2	4	3	3	4	-	-	-	-	-	1	-	-	-
Прочие	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Всего учащихся	68	96	106	104	112	108	102	100	95	94	99	102	102	84

Источники: ГИАОО, ф. 43, оп. 1, д. 49: 9; ГИАОО, ф. 43, оп. 1, д. 94: 2; ГИАОО, ф. 43, оп. 1, д. 118: 3; ГИАОО, ф. 43, оп. 1, д. 126: 2; ГИАОО, ф. 43, оп. 1, д. 170: 49-50; ГИАОО, ф. 43, оп. 1, д. 190: 82-83; ГИАОО, ф. 43, оп. 1, д. 195: 85-86; ГИАОО, ф. 43, оп. 1, д. 201: 25-26; ГИАОО, ф. 43, оп. 1, д. 207: 31-32; ГИАОО, ф. 43, оп. 1, д. 216: 37-38; ГИАОО, ф. 43, оп. 1, д. 224: 89-90; ГИАОО, ф. 43, оп. 1, д. 228: 116-117; ГИАОО, ф. 43, оп. 1, д. 234: 96-97

Следует учесть, что при преобладании числа православных в сибирских средних общеобразовательных и низших профессиональных учебных заведениях, в ряде школ, были установлены определенные квоты по приему нехристиан. Например, в Омской ветеринарно-фельдшерской школе Сибирского казачьего войска были учреждены специальные стипендии для инородцев Астраханской губернии и Уральской области (*Весь Омск, 1912: 60*). Причина этого крылась в специфике получаемой профессии ветеринарного фельдшера, который должен был работать, прежде всего, с лошадьми, а мальчики из казахских семей учились этому с самого детства. Необходимость обустройства лечебного дела среди нерусского населения Степного края давала возможность мусульманам получить образование в Омской центральной фельдшерской школе, количество учащихся-киргизов (казахов. – О.И.) в которой в 1908-1916 гг. ежегодно колебалось в пределах 3-8 человек, составляя 3-6 % от общей численности обучающихся ([ГИАОО, ф. 113, оп. 1, д. 8: 33-381; ГИАОО, ф. 113, оп. 1, д. 13: 1-37](#)).

И все же даже в Омске, являвшемся центром многонационального и

многоконфессионального Степного края, преобладание среди воспитанников учебных заведений представителей христианской конфессии было абсолютным, о чем свидетельствуют данные за 1910 г.: при общем числе учащихся 4 656 человек, христиан в омских учебных заведениях было 4 439, евреев – 160, мусульман – 57 ([Из истории Омска, 1967: 190](#)).

Более подробные данные о вероисповедном составе учащихся края содержит «Памятная книжка Акмолинской области на 1914 г.». Согласно опубликованным в ней данным, из 42539 учащихся средних и низших учебных заведений области православных было 36244, старообрядцев – 1097, католиков – 430, лютеран – 687, сектантов – 164, иудеев – 387, магометан – 2717, прочих – 813 ([Памятная книжка, 1914: 71-72](#)). Значительная доля мусульман и старообрядцев здесь объясняется тем, что в памятную книжку включались данные о составе учащихся всех учебных заведений – и средних, и низших, а начальное образование в степи и сельской местности в начале XX в. уже получило определенное развитие.

Таким образом, исследование конфессионального состава учащихся средних общеобразовательных, средних и низших профессиональных учебных заведений Сибири позволяет сделать вывод о преобладании в них лиц из православных семей, что, с одной стороны, облегчало задачу постановки религиозно-воспитательной работы в школе, но, с другой стороны, наличие в учебных заведениях детей, исповедовавших другие религии, требовало гибкого подхода к решению этой задачи. Однако, как было указано ранее, именно православная церковь должна была оказывать на учащихся основное воспитательное воздействие. В качестве средств такового воздействия, наряду с обстановкой в церкви, богослужением и обрядами, ей широко использовались такие методы воспитательного воздействия, как причастие, проповедь, исповедь, отпущение грехов, благословение ([Вишнякова, 1999: 427](#)).

Признание невозможности нравственного формирования личности ученика без опоры на веру определяло включение требования соблюдения учащимися религиозных обязанностей в действовавшие во всех учебных заведениях правила поведения их воспитанников. Например, в «Правилах для воспитанников Красноярской учительской семинарии» (1880-е гг.) относительно религиозных обязанностей указывалось, что ученики обязаны посещать церковь, ежегодно в страстную седмицу бывать у исповеди и причастия ([ГАКК, ф. 349, оп. 1, д. 9: 60-70](#)). «Правила для воспитанников Омской центральной фельдшерской школы» (1898 г.) предусматривали обязательное посещение учениками богослужений, исповедование и причастие, чтение молитвы перед началом уроков и после их завершения ([ГИАОО, ф. 113, оп. 1, д. 3: 40-47](#)). Инструкция для воспитанников Иркутской учительской семинарии предписывала, что во время молитвы и богослужения «ученики должны стоять прямо, безмолвно, внимая без всякой рассеянности всему, что читается, поется и совершается в храме; равно и молиться должны с должным благоговением, полагая правильно на себе крестное знамение» ([Инструкция для воспитанников, 1893: 2](#)). Правила для учащихся Омской учительской семинарии включали обязательное посещение семинаристами в воскресные и праздничные дни общего богослужения ([ГИАОО, ф. 115, оп. 1, д. 14: 1-2](#)).

Следует отметить, что именно в учительских семинариях религиозно-нравственному воспитанию уделялось особое внимание, поскольку их выпускники должны были в дальнейшем заниматься делом народного просвещения. «В учительской семинарии, – писал знаменитый педагог К.Д. Ушинский, – молодые люди, избравшие для себя скромную карьеру народного учителя, должны привыкать к жизни простой, даже суровой и бедной, без светских развлечений, к жизни с природой, строгой, аккуратной, честной и в высшей степени деятельной. ... Нет нужды доказывать, что убеждения всякого народного учителя христианского народа должны быть проникнуты идеей христианства» ([Ушинский, 1988: 91](#)).

В соответствии с поставленной задачей педагогический персонал Омской учительской семинарии, согласно протоколам заседаний педагогического совета за 1880 г., стремился оказывать влияние на учащихся путем «нравственных мер и путем убеждения», к числу которых относились «классный и внеклассный надзор и наставления», а также «исполнение учениками религиозных обязанностей» ([ГИАОО, ф. 115, оп. 1, д. 14: 19](#)). В результате педагогический совет семинарии с удовлетворением констатировал: «Воспитанники семинарии никогда не давали повода Педагогическому совету сомневаться в их искреннем отношении к делу православной веры и в соблюдении нравственных правил, освященных

христианской религией» (ГИАОО, ф. 115, оп. 1, д. 42: 14).

Однако введение в правила для учащихся требований исполнения религиозных обязанностей сопровождалось одновременным установлением наказаний за их неисполнение. В частности, за непосещение церкви учащимся понижалась оценка за поведение. За «нравственно-религиозное нарушение» (нахождение в церкви в пьяном виде) ученик Омской центральной фельдшерской школы Кумахин в 1883 г. был посажен в карцер и лишен отпуска. Дополнительно законоучителем было наложено церковное покаяние: 10 земных поклонов в день в течение одной недели при вечерней молитве. Педагогический совет счел «вполне соответствующим» церковное наказание и просил законоучителя провести беседы с воспитанниками о проступке Кумахина и «серьезном значении земных поклонов» (ГИАОО, ф. 113, оп. 1, д. 1: 26-29).

В этой связи следует вспомнить о том, что в составе воспитанников учебных заведений были не только православные. Как указывалось ранее, в Омскую учительскую семинарию, например, был разрешен доступ казахов с целью «приготовления учителей для киргизских школ». Наличие в школе определенного количества мусульман определило решение педагогического совета Омской учительской семинарии в 1904 г. ввести для них уроки киргизского языка, но пригласить муллу педсовет «необходимым не счел» (ГИАОО, ф. 115, оп. 1, д. 67: 69-71). Следует отметить, что преподавание основ мусульманского вероучения оказалось возможно только в национальных учебных заведениях, к числу которых относилась, например, татарская учительская школа в Уфе, но на этом учет национально-религиозных особенностей учащихся заканчивался, поскольку обучение в школе, за исключением уроков вероучения, велось на русском языке (Бакирова, 2017: 26).

Насильственное насаждение православия и контроль со стороны педагогического персонала за соблюдением религиозных обязанностей вызывали недовольство в среде учащейся молодежи, что отчетливо проявилось с началом первой революции в России. Воспитанники учебных заведений различных сибирских городов требовали отмены обязательного посещения учащимися церкви, необязательности соблюдения постов и изучения Закона Божьего. Так, на сходке учеников старших классов Томского реального училища 2 марта 1905 г. подавляющим большинством голосов было решено предъявить директору требования, в число которых вошли необязательное посещение церкви и необязательное говение (ЦДНИ ТО, ф. 5600, оп. 1, д. 67: 1). В Барнауле учениками реального училища и женской гимназии 24 апреля 1905 г. на собрании школьного общества была представлена петиция, содержащая требование отмены обязательного посещения учащимися церкви. Воспитанники старших классов Енисейской мужской гимназии в марте 1906 г. предъявили директору гимназии требования, в числе которых было необязательное изучение Закона Божьего и латинского языка. Ученики Мариинского городского училища в октябре 1906 г. обратились к учебному начальству с прошением, в котором было требование необязательного хождения в церковь и необязательного говения, а также отмены церковно-славянского языка и замены его «более полезным предметом» (Ищенко, 2008: 149-150, 156-157).

Свои требования учащиеся сопровождали фактическим отказом от участия в остававшимися для них обязательными религиозными мероприятиями. Сведения об этом имеются в материалах многих учебных заведений Западной и Восточной Сибири. И даже в учительских семинариях, где, казалось бы, религиозно-нравственное воспитание было поставлено на достойный уровень, протесты учеников носили систематический характер, о чем свидетельствуют, например, протоколы педагогического совета Омской учительской семинарии. Так, в протоколе от 23 января 1906 г. имеются сведения о докладе законоучителя Пляскина, сообщавшего, что в этот день на молитве ученики не пели «Спаси, Господи, люди твоя», т.к. заявили, что «не сочувствуют содержанию молитвы». После убеждений законоучителя и директора, ученики заявили, что молитву петь следует, «а те ученики, которые были против, подчиняются этому решению». Педсовет решил репрессивных мер не предпринимать, поскольку учеников удалось «убедить словами», а репрессии привели бы «к уменьшению в учениках религиозного чувства» и породили бы «неприятные отношения между ними и членами педагогического совета» (ГИАОО, ф. 115, оп. 1, д. 74: 50).

Тем не менее, ученики семинарии неаккуратно посещали богослужения и допускали иные проступки. В частности, учащиеся «непристойно» вели себя во время молитвы и нарушили одно из семинарских правил, отказавшись от постного обеда. 20 февраля 1907 г. перед началом уроков ученики 1 класса настойчиво требовали от директора проведения молебна по случаю открытия Государственной думы. Таким образом, как отмечалось в протоколах педагогического совета, учащиеся отказались от соблюдения важных обычаев церкви, неаккуратно посещали богослужения, но требовали «молебнов по поводу политических событий». По этому поводу директором вновь было обращено особое внимание на необходимость религиозно-нравственного и патриотического воспитания учащихся. Педсовет постановил требовать от воспитанников обязательного посещения церкви (ГИАОО, ф. 115, оп. 1, д. 78: 72-79).

1 мая 1907 г. в Омской учительской семинарии произошел новый инцидент – после пасхальной обедни, когда учащиеся разговлялись в столовой, раздались «звуки песни, оказавшейся революционным похоронным маршем». Директор потребовал прекратить пение, но оно продолжалось до конца. Некоторые ученики впоследствии заявляли, что «участвовали в демонстрации из боязни насмешек и даже неприятностей со стороны товарищей. Почти все допрошенные заявили так же о своем несочувствии и самой демонстрации и, особенно, избранному моменту». И все же, величайший церковный праздник, по мнению директора, был «превращен в политическую демонстрацию, в праздник вражды..., в орудие опорочения заведения в глазах общества». Директор подчеркивал, что многие его распоряжения не выполняются, например, относительно посещения богослужений или постного стола. Ввиду серьезности поступка, но невыяснения зачинщиков, педсовет решил усилить надзор за воспитанниками (ГИАОО, ф. 115, оп. 1, д. 78: 36-38).

Руководство многих учебных заведений и в смутные годы революции пыталось сохранить основные принципы религиозно-воспитательной работы в школе, требуя от воспитанников безусловного исполнения действовавших правил. Но в целом ряде случаев учителя признавали обоснованность требований учащихся. Так, например, в январе 1906 г. педагогические советы Тюменского реального училища и женской гимназии после рассмотрения представленной в них петиции учащихся, содержащих требования необязательного посещения богослужения, исповеди и изучения Закона Божьего только по усмотрению родителей, согласились со многими из них, в том числе с тем, что надзор за исполнением религиозных обязанностей должен принадлежать родителям учащихся (ГАТО, ф. 126, оп. 2, д. 1961: 48-53, 64-65, 103-104).

Признание учителями справедливости ряда требований учеников свидетельствует о том, что проблема насильственного насаждения религиозности в школе давно назрела и осознавалась если не учебным начальством, которое должно было действовать в рамках существовавших норм и правил, то представителями педагогического персонала, обязанностью которых было реализовывать основные направления воспитательной работы в школе, преодолевая при этом сопротивление ученической среды.

Подтверждением этому является содержание документа, принятого 256 учителями и другими деятелями народного образования на съезде в Санкт-Петербурге 12 марта 1905 г., где прямо указывалось: «Противоречие между нашим обветшалым государственным и общественным строем и требованиями жизни уже давно являются причиной неисчислимых народных бедствий. Но в последнее время оно достигло такой степени, что всякое промедление с устранением его грозит гибелью для государства». Педагоги критиковали многие положения правительственной политики в области образования, в том числе и насильственное насаждение в школе православия, требуя придания учебным заведениям светского характера (ГИАОО, ф. 270, оп. 1, д. 244: 129-130).

Подобные требования нередко выдвигались и на местах. В частности, в Красноярске на заседании Общества попечения о начальном образовании 21 апреля 1905 г. в числе основных направлений преобразования школы были названы свобода образования и воспитания, уничтожение сословных, религиозных, национальных различий, свобода вероисповедания и политических убеждений (ГАКК, ф. 827, оп. 1, д. 1496: 21-24).

Годы первой российской революции оказались тем сложным периодом, когда власть вынуждена была пойти на относительные уступки обществу в области расширения гражданских прав и свобод, а руководство учебных заведений, оказавшись не в силах

справиться с проявлениями протеста со стороны учащихся, ослабило контроль за своими воспитанниками. Со спадом революционной активности прежние требования к поведению учащихся были восстановлены. «Преследуя задачу «возвращения дисциплины и порядка» среди учащихся, реакционные министры Шварц и Кассо подчинили всю жизнь средних учебных заведений достижению этой цели: учебный процесс, воспитательная работа, система наказаний и поощрений, надзор и пр. были направлены на выколачивание из школы «вредных последствий освободительного движения», писал по этому поводу в середине 1960-х гг. исследователь сибирской школы Ф.Ф. Шамахов (Шамахов, 1966: 79-80). И пусть его заключение выглядит довольно категоричным, но нельзя не согласиться с утверждением историка относительно того, что внимание к постановке религиозно-нравственного воспитания в школе вновь было усилено (Шамахов, 1966: 81). Учебное и административное начальство всех уровней возобновило строгий надзор за поведением учащихся и исполнением ими религиозных обязанностей. В сентябре 1908 г. в Томске под председательством губернатора К.С. Нолькена состоялось совещание представителей высших, средних и низших учебных заведений города по вопросу о внешкольном надзоре за воспитанниками средних учебных заведений, на котором были выработаны основные положения правил поведения учащихся, в том числе и обязательное посещение церкви (Сибирская жизнь, 1908: 28 сент.).

Важным способом нравственного воздействия на учащихся со стороны педагогов оставалось обращение к религиозным чувствам молодых людей. Это был один из центральных вопросов для обсуждения на заседаниях педагогических советов сибирских учебных заведений. Так, при обсуждении циркулярного предложения попечителя Западно-Сибирского учебного округа от 27 ноября 1907 г. об усилении религиозного воспитания в учебных заведениях, основанном на письменном обращении архиепископа Томского Макария, педагогическим советом Омской учительской семинарии было отмечено, что он всегда принимал меры «к укреплению и возбуждению доброй религиозной настроенности в учащихся». Совет признал посещение храма в воскресные и праздничные дни обязательным для всех учащихся: «И г. директор семинарии, и законоучитель в частных беседах своих всегда располагают учащихся к исполнению всех религиозных обязанностей вообще и к посещению храма Божия, в частности». Для еще большего усиления религиозного воспитания педсовет решил попытаться ввести общее пение некоторых молитв во время богослужения и обратиться к родителям учащихся «с просьбой содействовать педагогическому персоналу семинарии к укреплению доброго религиозного настроения в их детях» (ГИАОО, ф. 115, оп. 1, д. 78: 29).

Подобная направленность воспитательной деятельности педагогического персонала семинарии была отмечена и со стороны властей края. Так, в 1910 г. Омскую учительскую семинарию посетили попечитель Лаврентьев и генерал-губернатор Е.О. Шмит, который «удостоил семинарию лестным отзывом». В связи с этим директор выразил благодарность всем наставникам и преподавателям за проявленное усердие к делу, особенно отметив законоучителя отца Василия Пляскина, «прилагающего большое рвение к делу религиозно-нравственного воспитания учащихся и постоянно наставляющего их своими прекрасными поучениями в церкви и внебогослужебными беседами» (ГИАОО, ф. 115, оп. 1, д. 39: 27-30).

Педагогический совет Омской центральной фельдшерской школы на заседании 14 октября 1909 г. так же отмечал, что «религиозное воспитание в школе поставлено на должную высоту... вообще все преподаватели констатируют факт полного и глубокого религиозного отношения учеников школы к делам Святой Веры» (ГИАОО, ф. 113, оп. 1, д. 9: 37). Для дальнейшего развития в учениках религиозно-нравственных чувств, педсоветом школы в октябре 1913 г. решено было просить законоучителя помимо программных занятий вести с учениками беседы на религиозно-нравственные темы и выписать в библиотеку журнал «Христианин» (ГИАОО, ф. 113, оп. 1, д. 12: 66).

Но особенно явно патриотически-религиозная направленность воспитания проявлялась в военных учебных заведениях, воспитанники которых должны были в будущем стать опорой власти и престола. Поэтому выступая на заседании педагогического комитета Омского кадетского корпуса 18 августа 1909 г. его директор генерал-майор Медведев отмечал: «Помня заветы Августейшего главного начальника... и придавая большое значение развитию патриотического духа среди кадет, я прошу г.г. членов комитета проникнуться

необходимостью развивать в нашей молодежи... чувства святости долга, любви к родине, пробудить в них чувство русского самосознания, гордость к славному историческому прошлому, вселить твердость духа в минуты невзгод и полную готовность положить живот свой за царя и Отечество. Необходимо уберечь наших питомцев от религиозного индифферентизма и космополитизма. Воспитывать кадет должно в духе исконно русских начал: православия, самодержавия и народности» (ГИАОО, ф. 19, оп. 1, д. 438: 8).

Для достижения поставленных воспитательных задач учителям предписывалось воздействовать на учащихся, в первую очередь, личным примером. И, например, в инструкции учителям войск училищ Сибирского казачьего войска (1913 г.) указывалось, что учитель «воспитывает в детях веру в Бога, любовь и преданность царю и Родине». Во все праздничные дни учитель должен был собирать детей в школу, рассказывать им о празднике, а затем вместе с детьми следовать в церковь. При этом в инструкции указывалось: «Общее хоровое пение молитв и Народного гимна обязательно для каждой школы». Посещение богослужений учителями и учащимися являлось обязательным как в учебное, так и в каникулярное время (ГИАОО, ф. 54, оп. 1, д. 65: 30-31).

Согласно отчетам о воспитательной работе в Омской мужской гимназии, религиозному воспитанию здесь уделялось особое внимание, обязательной была молитва перед началом уроков. Посещение учащимися богослужений регистрировалось записью в особом журнале, а уклонение от богослужения рассматривалось как «несоблюдение одной из важнейших обязанностей ученика». В этом случае ученику делалось внушение со стороны законоучителя и классного наставника, а если ситуация не исправлялась, то для объяснений вызывались родители. В 1910 г., например, педагогическим советом гимназии отмечалось, что в настоящее время богослужения в гимназической церкви посещаются исправно, отношение учеников к религиозным обязанностям «становится сердечным и обдуманым, и многие... ученики уже не стыдятся обнаруживать свое искреннее религиозное настроение» (ГИАОО, ф. 32, оп. 1, д. 42: 21-22; ГИАОО, ф. 32, оп. 1, д. 46: 23-24; ГИАОО, ф. 32, оп. 1, д. 75: 16-17).

И хотя указанная фраза практически ежегодно присутствовала во всех отчетах сибирских учебных заведений, действительность не выглядела столь радужно. Многие учащиеся стремились уклониться от посещения церкви и по-прежнему считали выполнение религиозных обязанностей частным делом. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в материалах учебных заведений (например, Енисейской мужской гимназии, 1909 г.) ведомости о числе проступков их воспитанников, в числе которых были как традиционные для школьников виды нарушений (шалость, ослушание, невнимательность, опоздания, прогулы), так и отсутствие у литургии (ГАКК, ф. 267, оп. 1, д. 7: 2-3).

В феврале 1909 г. в Минусинском городском 4-х классном училище фактически была сорвана молитва перед началом занятий, поскольку на ней присутствовали лишь 3 ученика выпускного класса из 25. Проступок учащихся был признан настолько серьезным, что выяснением причин произошедшего занялось Енисейское губернское жандармской управление. В результате демарш учащихся не был признан забастовкой, но его зачинщики Потехин и Колосницын из учебного заведения были исключены (ГА РФ, ф. ДП, 4 д-во, 1909, д. 20, ч. 5: 1, 3).

И даже в учительских семинариях, где, как указывалось ранее, религиозно-нравственному воспитанию учащихся уделялось особое внимание, нарушения существующих правил благопристойного поведения были не редкостью. Поэтому попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьев, критикуя в 1914 г. руководство Омской учительской семинарии за плохую постановку дела воспитания учащихся, вновь напоминал о задачах, стоявших перед персоналом учебного заведения: «Учительская семинария должна выпускать из стен своих не пьяниц, не картежников, не грабителей, наглецов и хулиганов разного рода..., а людей богобоязненных, правдивых, честных, благовоспитанных, могущих оказать благотворное влияние не только своих учеников, но и на всю окружающую среду, в которой им придется действовать... Народный учитель должен держать свое знамя высоко, любить народ, быть крепким в вере, стойким в своих нравственных идеалах, верноподданным Государю, готовым положить всю жизнь на благо родины» (ГИАОО, ф. 115, оп. 1, д. 42: 4).

Еще одним важным направлением религиозно-нравственного воспитания учащихся стало привлечение их к участию в праздновании юбилеев важных исторических событий,

центральное место в которых занимали церковные службы, проповеди, массовые молебны. Особо торжественно в стране было организовано празднование в 1913 г. 300-летия Дома Романовых. В сибирских учебных заведениях, как и по всей стране, программа празднования включала присутствие учащихся и учителей на всенощном бдении и панихиде, затем на праздничном богослужении и молебствии, после чего для воспитанников учебных заведений устраивался «торжественный акт». Документы свидетельствуют о том, что в Омском учительском институте празднование 21 февраля 1913 г. началось с литургии и молебна (Ищенко, 2014: 32-33), в Омском сельскохозяйственном училище – с панихиды по усопшим государям и продолжилось торжественным молебном о благополучном царствовании Николая II (ГИАОО, ф. 65, оп. 1, д. 30: 51). В Томске в феврале 1913 г. учащиеся средних и низших учебных заведений должны были присутствовать на общей панихиде по умершим из Дома Романовых и участвовать в крестном ходе. В Омском кадетском корпусе 20 февраля 1913 г. была проведена панихида по почившим членам дома Романовых, а 21 февраля кадеты приняли участие в литургии (Ищенко, 2014: 32-33).

Однако формальный характер проведения спущенных «сверху» мероприятий позволил исследователю К.Н. Цимбаеву констатировать: «Власть, престиж которой был подорван, и которая не имела эффективных инструментов воздействия на народные массы, переложила всю тяжесть идеологической кампании по подъему гражданского духа и патриотического сознания населения на плечи Православной церкви. ... Внешняя безупречность проведения юбилеев не могла компенсировать их внутреннюю пустоту. Их стержневая, и фактически, единственная, идея – идея империи подавалась исключительно в свете идеи церковной, основным носителем и выразителем которой была Русская православная церковь. ... Не имело успеха и стремление государства использовать Церковь для сакрализации императорской власти и воспитания нации в верноподданническом духе с помощью юбилейной имперско-религиозной пропаганды» (Цимбаев, 2005; 44, 49-50).

Государственная власть, провозглашая ведущие позиции православной церкви в деле воспитания подрастающего поколения, явно игнорировала многоконфессиональность состава населения империи. Определенным следствием подобного подхода стал отраженный в материалах заседания педагогического совета Омской центральной фельдшерской школы от 17 ноября 1908 г. факт отсутствия на обязательной общей вечерней молитве учеников-казахов. Поскольку на основании п. 35 Правил школы все ученики обязаны были присутствовать на утренней молитве, директором учебного заведения К.Г. Тарутиным было предложено «присутствовать на общих молитвах и магометанам-пансионерам». Согласно протоколу педсовета, ученики-мусульмане «выразили свое на это согласие» (ГИАОО, ф. 113, оп. 1, д. 9: 23-24). Однако на следующий день на молитве снова отсутствовали два ученика школы – Плотников и Абдрахимов, за что им было назначено в качестве наказания два часа стоять в углу. При этом Абдрахимов отказался подчиниться наказанию, заявив, что «стоять в углу не будет, так как он не маленький». В ответ на это ему было предложено или подчиниться наказанию, или подвергнуться исключению из учебного заведения. В результате уговоров отца, ахуна местной мечети, Абдрахимов согласился подчиниться (ГИАОО, ф. 113, оп. 1, д. 9: 23-24).

Данный инцидент стал поводом для обсуждения в педагогическом совете Омской центральной фельдшерской школы вопроса о том, следует ли мусульманам и другим лицам нехристианских вероисповеданий «присутствовать на общих молитвах для соблюдения общего порядка и из уважения к религии большинства». По этому поводу педсоветом было принято решение, согласно которому нехристиане должны присутствовать на молитвах, не принимая в них активного участия, а, кроме того, «все ученики-пансионеры без различия вероисповедания обязаны присутствовать в высокоторжественные дни на молебствии в церкви» (ГИАОО, ф. 113, оп. 1, д. 9: 23-24).

Бесспорно, подобные решения никак не способствовали повышению авторитета православной церкви в глазах нерусского населения империи, равно как не помогали они и делу повышения эффективности воспитательной работы в школе. Понимание существующих проблем заставило Святейший Синод в январе 1913 г. рекомендовать для обсуждения на местных съездах законоучителей средних учебных заведений вопросы о том, какое религиозно-нравственное воздействие оказывает преподавание закона Божия на учащихся и что нужно

предпринять для повышения их религиозной настроенности (ГАИО, ф. 63, оп. 5, д. 18: 14).

С началом Первой мировой войны, вместе с ростом патриотизма и возрастанием популярности правящей власти, религиозная составляющая воспитательной работы поднимается на новую высоту. Авторитет церкви представил войну как дело благочестивое, как защиту истинной православной веры от влияния иных конфессий. В связи с этим директор начальных училищ Тобольской губернии 31 марта 1915 г. сообщал заведующим учебными заведениями: «В виду военных событий, каковые могут затянуться на долгое время, г. Попечитель Западно-Сибирского учебного округа испросил благословение Его Преосвященства епископа Тобольского и Сибирского о разрешении законоучителям на молитвах, совершаемых перед началом учения в учебных заведениях, возносить прошения о даровании победы русскому Христолюбивому воинству» (ГАТюмо, ф. И-59, оп. 1, д. 35: 16).

В 1916 г. попечителем Западно-Сибирского учебного округа было предложено воспитанникам учебных заведений принять участие в паломничестве в г. Тобольск на открытие мощей святителя Иоанна. Учителям и учащимся было объявлено, что перед гробницей новоявленного угодника Иоанна будет возжена лампада о здравии императора и его семьи, для чего был объявлен сбор пожертвований. В 1916 г. учащиеся Омской учительской семинарии и Ишимской мужской гимназии, согласно отчетам учебного начальства, в числе других учеников сибирских учебных заведений приняли в нем участие (ГИАОО, ф. 115, оп. 1, д. 97: 18; ГАТюмо, ф. И-95, оп. 1, д. 1: 35-39).

Неизменными в годы войны остались и требования неукоснительного исполнения учащимися религиозных обязанностей. Так, в Омске в начале 1915 г. Комитетом начальников учебных заведений по согласованию с акмолинским губернатором были приняты Правила внешкольного поведения учащихся в омских учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения. Данные Правила, как и ранее, предусматривали обязательное посещение учащимися богослужений, ежегодное исповедование и причащение (ГИАОО, ф. 62, оп. 1, д. 13: 71-73). Выработанные в 1915 г. Комитетом по внешкольному надзору за учащимися средних и низших учебных заведений г. Тюмени требования к поведению учащихся вне стен школы включали в себя традиционное положение об обязательности посещения учениками богослужений (ГАТюмо, ф. И-55, оп. 1, д. 10: 4-7).

Ожидаемый результат усиления внимания к религиозно-нравственной стороне воспитательной работы отражен в отчете Красноярского реального училища за 1915-1916 учебный год: «Все стремления директора и педагогического персонала были направлены к тому, чтобы вести воспитание детей в национальном духе, в духе беззаветной любви и преданности к обожаемому Государю Императору, к нашей общей великой Родине и Святой церкви православной, выработать у них чувство долга перед церковью, Царем и Родиной; приучить их к тому, что священнейшей обязанностью каждого гражданина является настойчивый труд, который должен быть особенно интенсивным в тяжелые годы в борьбе с врагами нашего отечества; к развитию в учащихся высокого патриотического духа. Особое внимание было обращено на религиозное воспитание учащихся. Они аккуратно посещали богослужения, исповедь и причастие» (ГАКК, ф. 855, оп. 1, д. 3: 80).

И все же затянувшийся ход военных действий, неудачи русской армии, сложность социально-экономической ситуации в стране и растущая усталость от войны довольно быстро изменили настроения в обществе. В отчетах Омской мужской гимназии за 1914-1915 гг. отмечалось, что наплыв беженцев, «прекращение совершения богослужений и вследствие этого одного из главных способов оказания на учащихся религиозно-нравственного воздействия, ... вся обстановка нынешнего тяжелого времени, нарушившего нормальную жизнь всей России, все это вместе взятое сильно отразилось на общем уровне школьного поведения учащихся в худшую сторону». В результате руководством учебного заведения делался неутешительный вывод: «Правда, что высокий патриотизм, охвативший все классы общества нашей родины, нашел себе живой отклик в умах и сердцах учащейся молодежи гимназии, и многие воспитанники добровольно пожелали принести посильную пользу Родине на поле брани..., но правда же и то, что поведение учащихся в смысле исполнения ими правил порядка и дисциплины понизились» (ГИАОО, ф. 32, оп. 1, д. 75: 16-17; ГИАОО, ф. 32, оп. 1, д. 87: 16).

Следует подчеркнуть, что атмосфера, сложившаяся в школе, была лишь отражением ситуации в стране, точная характеристика которой была дана в отчете помощника начальника Иркутского губернского жандармского управления по Иркутскому, Балаганскому и Нижнеудинскому уездах в декабре 1915 г.: «Религия в полном смысле заброшена, как нечто ненужное... В разговорах о православной религии и церкви нередко слышится сетование на то, что «как же можно теперь молиться, чтить православие и ходить в церкви, когда главенствует над церковью проходимец Григорий Распутин и его прислужники, если и высокопоставленные лица, но такие же проходимцы, сеятели смуты и враги родины, как и Распутин». ... и по справедливости настоящее переживаемое время можно было бы назвать временем общего безверия, общего шатания умов и отсутствия исканий истины. Каждый человек так живет настоящим днем, так цепляется за все, чтобы как-нибудь не остаться голодным и обеспечить себя необходимым для жизни, что вопросы религии отходят на задний план» (ГАИО, ф. 600, оп. 1, д. 891: 68-69). Все это вместе взятое способствовало нарастанию протестных настроений в обществе, делая грядущий революционный взрыв практически неизбежным.

5. Заключение

В конце XIX – начале XX вв. в России была сформирована система среднего и низшего образования, включавшая в себя учебные заведения различных типов: общеобразовательные, специальные, профессиональные. В ряде из них вероисповедный состав учащихся контролировался властью (например, в классических гимназиях была введена процентная норма для приема иудеев). В большинстве средних и низших профессиональных школ ограничения при приеме представителей различных конфессий формально отсутствовали, но фактически в составе учащихся наблюдалось абсолютное преобладание православных, что не соответствовало этноконфессиональному составу сибирских областей и губерний, но облегчало задачу постановки религиозно-воспитательной работы в школе. Однако наличие в учебных заведениях детей, исповедовавших разные религии, требовало гибкого подхода к решению этой проблемы. Тем не менее, именно православной церкви, как важнейшему идеологическому институту государства, было предоставлено право оказывать на учащихся основное воспитательное воздействие. Поэтому во всех учебных заведениях Сибири воспитательная работа имела религиозно-нравственную направленность.

Признание невозможности нравственного формирования личности ученика без опоры на веру определяло включение требования соблюдения учащимися религиозных обязанностей в действовавшие во всех учебных заведениях правила поведения их воспитанников, сопровождавшиеся наказаниями за их неисполнение. Принуждение учащихся к исполнению религиозных обязанностей и принудительное внедрение православной обрядности в повседневную жизнь учебных заведений вызывало протесты в среде учащихся, что отчетливо проявилось с началом первой революции в России. Воспитанники учебных заведений различных сибирских городов требовали отмены обязательного посещения учащимися церкви, необязательности соблюдения постов и изучения Закона Божьего, причем в целом ряде случаев учебным начальством и родительскими комитетами требования учащихся были признаны обоснованными.

Со спадом революции происходит возврат к основным принципам постановки религиозно-воспитательной работы в школе. При этом государственная власть, провозглашая ведущие позиции православной церкви в деле воспитания подрастающего поколения, явно игнорировала многоконфессиональность состава населения империи и не учитывала настроения, сложившиеся в среде самих учащихся.

Кратковременный подъем патриотических и религиозных настроений в обществе в начальный период первой мировой войны довольно быстро сменился ростом недовольства и падением престижа власти и церкви, что отразилось и на снижении эффективности религиозно-воспитательной работы в школе. Насильственное насаждение православия в среде учащихся приводило к результату, обратному ожидаемому и создавало почву для разрыва государства и религии в ходе революционных событий 1917 г.

Литература

Бакирова, 2017 – Бакирова А.М. Особенности подготовки педагогических кадров для начальных нерусских училищ во второй половине XIX века (по материалам Оренбургского учебного округа) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2017. № 9 (83). С. 25-27.

Весь Омск, 1912 – Весь Омск. Справочник-указатель на 1912 год. Омск, 1912.

Вишнякова, 1999 – Вишнякова С.М. Профессиональное образование: Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. М., 1999.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГАИО – Государственный архив Иркутской области.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

ГАТО – Государственный архив Томской области.

ГАТюмО – Государственный архив Тюменской области.

ГИАОО – Исторический архив Омской области.

Из истории Омска, 1967 – Из истории Омска (1716-1917 гг.). Омск, 1967.

Инструкция для воспитанников, 1893 – Инструкция для воспитанников Иркутской учительской семинарии. Иркутск, 1893.

Ищенко, 2008 – Ищенко О.В. Учащаяся молодежь Сибири в период первой российской революции 1905-1907 годов: характер протестных движений // *Вестник Челябинского государственного университета. История*. № 34. 2008. С. 148-160.

Ищенко, 2014 – Ищенко О.В. Участие воспитанников учебных заведений Сибири в праздновании 300-летия Дома Романовых // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2014. № 1 (27). С. 32-35.

Константинов, 1956 – Константинов Н.А. Очерки по истории средней школы. Гимназии и реальные училища с конца XX в. до Февральской революции 1917 г. М., 1956.

Памятная книжка, 1914 – Памятная книжка Акмолинской области на 1914 г. Омск, 1914.

Памятная книжка, 1897 – Памятная книжка Забайкальской области на 1897 г. Чита, 1897.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Свод законов, 1906 – Свод законов Российской империи. СПб., 1906. Т.1.

Сибирская жизнь, 1908 – Сибирская жизнь. 1908. 28 сент.

Ушинский, 1988 – Ушинский К.Д. Проект учительской семинарии // Педагогические сочинения: В 6-ти т. Т. 2. М., 1988.

ЦДНИ ТО – Центр документации новейшей истории Томской области.

Цимбаев, 2005 – Цимбаев К.Н. Православная церковь и государственные юбилеи императорской России // *Отечественная история*. 2005. № 6. С. 42-51.

Шамахов, 1966 – Шамахов Ф.Ф. Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907-1917 гг.). Томск, 1966.

References

Bakirova, 2017 – Bakirova A.M. (2017) Osobennosti podgotovki pedagogicheskikh kadrov dlja nachal'nyh nerusskikh uchilishh vo vtoroj polovine XIX veka (po materialam Orenburgskogo uchebnogo okruga) [Specifics of training teachers for non-Russian elementary schools in the second half of the 19 century (on materials of the Orenburg educational district)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. № 9 (83). S. 25-27. [in Russian]

CDNI TO – Centr dokumentacii novejshej istorii Tomskoj oblasti [The documentation center of modern history of Tomsk region]. Tomsk.

GA RF – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State archive of the Russian Federation]. Moscow.

GAIO – Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti [State archive of Irkutsk region]. Irkutsk.

GAKK – Gosudarstvennyj arhiv Krasnojarskogo kraja [State archive of the Krasnoyarsk territory]. Krasnoyarsk.

GATO – Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti [State archive of Tomsk region]. Tomsk.

GATyumO – Gosudarstvennyj arhiv Tyumenskoj oblasti [State archive of the Tyumen region]. Tyumen.

GIAOO – Istoricheskij arhiv Omskoj oblasti [Historical archive of the Omsk region]. Omsk.

Instrukcija dlja vospitannikov, 1893 – Instrukcija dlja vospitannikov Irkutskoj uchitel'skoj seminarii [Manual for inmates of the Irkutsk Teachers Seminary]. (1893). Irkutsk. [in Russian]

Ishchenko, 2008 – *Ishchenko O.V.* Uchashhajasja molodezh' Sibiri v period pervoj rossijskoj revoljucii 1905-1907 godov: harakter protestnyh dvizhenij [The young Siberian Pupil during the first Russian revolution, 1905-1907: the nature of protest movements]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*. № 34. S. 148-160. [in Russian]

Ishchenko, 2014 – *Ishchenko O.V.* (2008). Uchastie vospitannikov uchebnyh zavedenij Sibiri v prazdnovanii 300-letija Doma Romanovyh [The participation of pupils of educational establishments of Siberia in celebration of the 300th anniversary of the Romanov dynasty]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*. № 1 (27). S. 32-35. [in Russian]

Iz istorii Omska, 1967 – Iz istorii Omska (1716-1917 gg.) [From the history of Omsk (1716-1917 years)]. (1967). Omsk. [in Russian]

Konstantinov, 1956 – *Konstantinov N.A.* (1956). Oчерки po istorii srednej shkoly. Gimnazii i real'nye uchilishha s konca XX v. do Fevral'skoj revoljucii 1917 g. [Essays on the history of high school. Gymnasium and real schools of the late twentieth century until the February revolution of 1917]. M. [in Russian]

Pamjatnaja knizhka, 1897 – Pamjatnaja knizhka Zabajkalskoj oblasti na 1897 god. [Memorable book of the Zabaykalsky region in 1897]. (1897). Chita. [in Russian]

Pamjatnaja knizhka, 1914 – Pamjatnaja knizhka Akmolinskoj oblasti na 1914 god. [Memorable book of the Akmolinska region in 1914]. (1914). Omsk. [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [The Russian state historical archive]. SanktPeterburg, Russia. [in Russian]

Shamahov, 1966 – *Shamahov F.F.* (1966). Shkola Zapadnoj Sibiri mezhdju dvumja burzhuzno-demokraticeskimi revoljucijami (1907-1917 gg.) [School of Western Siberia between two bourgeois-democratic revolutions (1907-1917)]. Tomsk. [in Russian].

Sibirskaja zhizn', 1908 – Sibirskaja zhizn' [Siberian life]. (1908. 28 sent.). Tomsk. [in Russian]

Svod zakonov, 1906 – Svod zakonov Rossijskoj imperii [The code of laws of the Russian Empire]. (1906). SPb., T.1. [in Russian]

Tsimbaev, 2005 – *Tsimbaev K.N.* (2005). Pravoslavnaja cerkov' i gosudarstvennye jubilei imperatorskoj Rossii [Orthodox Church and state anniversaries of Imperial Russia]. *Otechestvennaya istorija*. № 6. S. 42-51. [in Russian]

Ushinsky, 1988 – *Ushinsky K.D.* (1988). Proekt uchitel'skoj seminarii [The project of Teachers Seminary]. *Pedagogicheskie sochineniya: V 6-ti t. T. 2. M.*

Ves' Omsk, 1912 – Ves' Omsk. Spravochnik-ukazatel' na 1912 g. [All Omsk. Reference-a pointer to 1912]. (1912). Omsk. [in Russian]

Vishnjakova S.M., 1999 – *Vishnjakova S.M.* (1999). Professional'noe obrazovanie: Slovar'. Kljuchevyje ponjatija, terminy, aktual'naja leksika [Professional education: Dictionary. Key notions, terms, relevant vocabulary]. Tomsk. [in Russian]

Постановка религиозно-воспитательной работы в средних и низших учебных заведениях Сибири в конце XIX – начале XX вв.

Оксана Владимировна Ищенко ^{а, *}

^а Сургутский государственный университет ХМАО-Югры, Российская Федерация

Аннотация. Целью исследования стало выявление основного содержания религиозно-воспитательной работы в средних общеобразовательных, средних и низших профессиональных учебных заведениях Сибири и ее влияния на настроения учащихся края в конце XIX – начале XX вв.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: iovf@yandex.ru (О.В. Ищенко)

Основными источниками, используемыми в ходе работы, стали законы Российской империи, материалы по конфессиональному составу учащихся, протоколы заседаний педагогических советов, петиции учащихся, хранящиеся в архивных фондах учебных заведений Сибири, документы правоохранительных органов, письма и распоряжения попечителя Западно-Сибирского учебного округа.

Исследование постановки религиозно-воспитательной работы в средних и низших учебных заведениях Сибири в конце XIX – начале XX вв. проведено с применением историко-генетического и проблемно-хронологического методов на основе социального подхода.

В результате автором сделан вывод о том, что на рубеже XIX – XX веков в учебных заведениях Сибири религиозно-нравственное направление являлось основным направлением воспитательной работы с учащимся. При этом насильственное насаждение православия в школе, отсутствие учета многоконфессионального состава учащихся и принуждение их к исполнению религиозных обязанностей вызывало протест со стороны многих воспитанников учебных заведений, требовавших отмены обязательного посещения учащимися церкви, необязательности соблюдения постов и изучения Закона Божьего.

Анализ изменений в постановке религиозно-воспитательной работы в учебных заведениях Сибири в последние десятилетия XIX в., в период первой революции в России, в межреволюционный период и в годы первой мировой войны позволил прийти к заключению о том, что насильственное насаждение православия в среде учащихся приводило к результату, обратному ожидаемому, определяя низкую эффективность религиозно-воспитательной работы в школе.

Ключевые слова: Сибирь, средние и низшие учебные заведения, учащиеся, конфессиональный состав, религиозно-воспитательная работа, православие, настроения.